

Абрахам
МЕРРИТ

СЕРИЯ «ЗОЛОТЫЙ ВЕК»

Это — «Золотая коллекция
черной литературы». Лучшие
из лучших мастеров «классического
хоррора» — от классики прошлого
до «городской ужасов» наших дней...

СЕМЬ ШАГОВ
К САТАНЕ

Абрахам Грэйс Меррит
Тень, ползи!
Серия «Доктор Лоуэлл», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136057

Оригинал: AbrahamMerritt, "Creep, Shadow, Creep!"

Перевод:

Дмитрий Арсеньев

Аннотация

Древняя ирландская легенда о городе Ис словно отражение миража на поверхности воды возникает в реалиях Америки 30-х годов. Гипнотизеру удастся пробудить в современной девушке наследственную память Дахут, королевы-волшебницы, и неподалеку от Нью-Йорка начинает исподволь возрождаться древний и кровавый магический культ.

Содержание

1. ЧЕТЫРЕ САМОУБИЙСТВА	4
2. МАДЕМУАЗЕЛЬ ДАХУТ	9
3. ТЕОРИИ ДОКТОРА ДЕ КЕРАДЕЛЯ	14
4. УТРАЧЕННЫЙ ГОРОД ИС	21
5. ШЕПЧУЩАЯ ТЕНЬ	26
6. ПОЦЕЛУЙ ТЕНИ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Абрахам МНРРИТ ПОЛЗИ, ТЕНЬ!

1. ЧЕТЫРЕ САМОУБИЙСТВА

Я мрачно распаковывал свои вещи в клубе Первооткрывателей. Депрессия, охватившая меня накануне, когда я проснулся в своей каюте, не проходила.

Похоже на воспоминания о кошмаре, подробности которого забыты, но который остается на самом пороге сознания.

К этому добавились и другие раздражающие обстоятельства.

Конечно, я не ожидал, что мое возвращение домой будет приветствовать специальная делегация мэрии. Но то, что ни Беннет, ни Ральстон меня не встретили, вызывало тревогу. Перед отплытием я написал им обоим и думал, что по крайней мере один из них встретит меня на пристани.

Это мои ближайшие друзья, и меня часто забавляла некоторая странная враждебность между ними. Каждый из них привлекал другого, и в то же время они не одобряли друг друга. Мне казалось, что внутренне они даже ближе друг к другу, чем ко мне; они могли бы стать Дамоном и Финтием, если бы не осуждали так отношение к жизни другого; впрочем, может, они все же были Дамоном и Финтием, вопреки всему.

Много столетий назад старина Эзоп сформулировал их различия в басне о стрекозе и муравье. Билл Беннет был муравьем. Серьезный трудолюбивый сын доктора Лайонела Беннета стал одним из пяти наиболее выдающихся специалистов современного цивилизованного мира по патологии мозга. Я подчеркиваю, что речь идет о современном и цивилизованном мире, потому что у меня есть доказательства: тот мир, который мы называем нецивилизованным, имеет гораздо больше таких экспертов, и у меня есть основания полагать, что древний мир в этом отношении обладал еще большими познаниями, чем современные миры, цивилизованный и нецивилизованный.

Старший Беннет был одним из тех редких специалистов, которые больше думают о своей работе, чем о банковском счете. Прославленный, но небогатый Беннет-младший мой ровесник, ему тридцать пять. Я знал, что отец во многом опирался на сына. Я подозревал также, что в некоторых отношениях, особенно в изучении подсознания, сын превзошел отца, у него более гибкий, более открытый ум. Год назад Билл написал мне, что его отец умер и что он теперь работает ассистентом доктора Остина Лоуэлла, заняв место доктора Дэвида Брэйла, который недавно был убит упавшим подсвечником в частной больнице доктора Лоуэлла.

Дик Ральстон – стрекоза. Наследник состояния такого огромного, что даже зубы депрессии смогли лишь слегка его поцарапать. Лучший образчик сына богача, впрочем, не видящий ни почета, ни радости, ни пользы и никаких других достоинств в работе. Беспечный, умный, щедрый, но, безусловно, первоклассный лентяй.

А я выполнял компромиссную роль, служил мостом, на котором они встречались. У меня есть медицинский диплом, но есть и деньги, которые спасают от скучной практики. Достаточно, чтобы делать, что захочу, то есть бродить по всему земному шару с этнологическими исследованиями. Особенно в тех областях, которые мои медицинские и иные научные братья называют суевериями: колдовство, волшебство, вуду и прочее. В своих исследованиях я так же страстен, как Билл в своих.

И он знал это.

Дик, с другой стороны, приписывал мои странствия бродяжьему инстинкту, который я унаследовал от одного из своих бретонских предков, пирата, отплывшего из Сен-Мало и заслужившего кровавую репутацию в Новом мире. За что и был повешен. Мои необычные интересы он также приписывал тому обстоятельству, что среди моих предков были две ведьмы, сожженные в Бретани.

Я для него был совершенно понятен.

Занятия Билла он понимал гораздо меньше.

Я мрачно размышлял, что хоть и отсутствовал три года, это слишком небольшое время, чтобы меня забыть. Но потом умудрился стряхнуть дурное настроение и посмеяться над собой. В конце концов они могли не получить мои письма, или у них были свидания, которые они не могли отменить, и каждый считал, что другой обязательно меня встретит.

На кровати лежала газета – «Ивнинг Стар». За вчерашнее число. Мой взгляд остановился на заголовке. Я тут же перестал смеяться. Заголовок гласил: Наследник пяти миллионов кончает самоубийством Ричард Дж. Ральстон младший пускает пулю себе в голову Я прочел заметку.

Ричард Дж. Ральстон младший, унаследовавший два года назад свыше пяти миллионов после смерти своего отца, владельца шахт, сегодня утром найден мертвым в своей постели на Парк Авеню 35642. Он выстрелил себе в голову и сразу умер. Пистолет лежал на полу, куда упал из его руки. Следователи установили, что на пистолете отпечатки пальцев только его владельца.

Тело обнаружил дворецкий Джон Симпсон, который рассказал, что вошел в комнату, как обычно, в восемь часов. По состоянию тела доктор Пибоди, коронер, установил, что выстрел был произведен около трех часов, то есть примерно за пять часов до того, как Симпсон обнаружил тело.

Три часа? У меня по спине поползли мурашки. Если учесть разницу между корабельным временем и временем Нью-Йорка, это именно тот момент, когда я проснулся в странной депрессии. Я продолжал читать.

Если рассказ Симпсона правдив, а полиция не имеет оснований в этом сомневаться, самоубийство не было подготовлено заранее, а явилось результатом внезапного подавляющего импульса. Это предположение подкрепляет найденное письмо, которое Ральстон начал писать, но не закончил и разорвал. Обрывки найдены под столом в спальне, куда он их бросил. В письме говорится:

Дорогой Билл, прости, но больше я не могу выдержать. Я хотел бы, чтобы ты считал это объективным, а не субъективным явлением, как бы невероятно это ни казалось. Если бы только здесь был Алан. Он знает больше...

В этот момент Ральстон, очевидно, изменил свои намерения и разорвал письмо. Полиция хотела бы знать, кто такой Алан и о чем он «знает больше». Она также надеется, что Билл, которому адресовано письмо, объявится. Нет никаких сомнений, что здесь мы действительно имеем дело с самоубийством, но, возможно, тот, кто что-то знает об «объективном, а не субъективном характере явления», прольет свет на мотивы этого самоубийства.

В настоящий момент не известны причины, по которым мистер Ральстон покончил с жизнью. Его поверенные, известная фирма «Уинстон, Смит энд Уайт», заверили полицию, что состояние его в полном порядке, что никаких «осложнений» в жизни их клиента не было. Известно, что, в отличие от большинства сыновей богачей, Ральстон никогда не оказывался впутанным в скандалы.

Это четвертый за последние три месяца случай самоубийства состоятельных людей примерно возраста Ральстона и такого же образа жизни. На самом деле обстоятельства само-

убийства во всех четырех случаях настолько аналогичны, что полиция серьезно рассматривает возможность какого-то договора самоубийц.

Первая из этих четырех смертей произошла 15 июля, когда Джон Марстон, всемирно известный игрок в поло, прострелил себе голову в спальне своего сельского дома в Локуст Уолли, Лонг Айленд. Причины этого самоубийства так и не выяснены. Подобно Ральстону, Марстон был холост. 6 августа тело Уолтера Сент-Клера Колхауна было найдено в его автомобиле вблизи Риверхеда, Лонг Айленд. Колхаун съехал с главной дороги, которая здесь по обеим сторонам заросла деревьями, на открытое поле и здесь пустил себе пулю в голову. Причина до сих пор не известна. Колхаун три года состоял в разводе. 21 августа Ричард Стентон, миллионер, яхтсмен и путешественник, выстрелил себе в голову на палубе собственной океанской яхты «Тринклу». Это произошло накануне намеченного им путешествия в Южную Америку.

Я читал и читал... соображения по поводу договора о самоубийствах, предположительно вызванного скукой и болезненным стремлением к острым ощущениям... истории Марстона, Колхауна и Стентона... некролог Дика...

Читал, почти не понимая прочитанное. но по-прежнему казалось, что этого не может быть.

Нет никаких причин для самоубийства Дика. Во всем мире нет человека, который меньше был бы способен убить себя. Теория самоубийственного договора абсурдна, во всяком случае по отношению к Дику. Разумеется, Алан из письма – это я. А Билл – Беннет. Но что такое я знаю, отчего Дик хотел бы, чтобы я был с ним?

Зазвонил телефон.

– К вам доктор Беннет.

Я сказал:

– Пришлите его ко мне. – А про себя: «Слава Богу!»

Вошел Билл. Он был бледен и изможден, как человек в тяжелых испытаниях, которые еще не миновали. В глазах его застыл ужас, будто он смотрел больше не на меня, а на то, что вызвало этот ужас. С отсутствующим видом он подал мне руку и сказал только:

– Я рад, что ты вернулся, Алан.

В другой руке я держал газету. Он взял ее, взглянул на число. И сказал:

– Вчерашняя. Ну, здесь все. Все, что знает полиция.

Прозвучало это странно. Я спросил:

– Ты хочешь сказать, что знаешь еще кое-что?

Ответ показался мне уклончивым.

– О, у них все факты. Дик прострелил себе голову. И они правы, когда связывают все эти смерти...

Я спросил:

– Что ты знаешь такого, чего не знает полиция, Билл?

Он ответил:

– Что Дик был убит!

Я удивленно смотрел на него.

– Но если он пустил пулю себе в голову...

– Твое удивление понятно. И все-таки: я знаю, что Дик выстрелил в себя, и в то же время знаю, что он был убит.

Он сел на кровать, сказал:

– Мне нужно выпить.

Я достал бутылку шотландского виски, которое клубный слуга заботливо принес в качестве приветствия по поводу моего возвращения. Он налил себе большую порцию. Повторил:

– Я рад, что ты вернулся! Нас ждет тяжелая работа, Алан!

Я налил и себе; спросил:

– Какая работа? Найти убийцу Дика?

Он ответил:

– Да. Но больше. Прекратить убийства.

Я снова налил ему и себе. Сказал:

– Перестань ходить вокруг да около и расскажи мне, в чем дело.

Он задумчиво посмотрел на меня и негромко ответил:

– Нет, Алан. Еще нет. – Поставил стакан. – Предположим, ты открыл нового возбудителя болезни, неизвестный микроб – или считаешь, что открыл. Ты изучал его и отметил его особенности. Предположим, ты хочешь, чтобы кто-нибудь проверил твои выводы. Что ты сделаешь: сообщишь ему сразу все свои данные и попросишь его взглянуть в микроскоп, чтобы подтвердить их? Или просто дашь самые общие сведения и предложишь посмотреть в микроскоп и обнаружить самому?

– Конечно, общие сведения – и пусть смотрит сам.

– Точно. Ну, я считаю, что нашел такого нового возбудителя, вернее, очень старого, хотя у него нет ничего общего с микробами. Но больше я тебе ничего не скажу, пока ты сам не посмотришь в микроскоп. Не хочу, чтобы мое мнение воздействовало на твое. Пошли за газетой.

Я позвонил и попросил принести свежий номер «Сан». Билл взял его. Просмотрел первую полосу, потом стал перелистывать газету, пока не нашел то, что ищет.

– Случай Дика переместился с первой полосы на пятую, – сказал он. – Вот. Прочти первые несколько абзацев, остальное – пересказ уже известного и праздные соображения. Очень праздные.

Я стал читать.

Доктор Уильям Беннет, известный специалист в области мозга и ассистент знаменитого медика доктора Остина Лоуэлла, сегодня утром пришел в полицию и заявил, что он и есть Билл из неоконченного письма, найденного в спальне Ричарда Дж. Ральстона младшего, после того как тот вчера утром совершил самоубийство.

Доктор Беннет заявил, что письмо, несомненно, адресовалось ему, что мистер Ральстон один из его старейших друзей и недавно консультировался с ним по поводу того, что можно в общих чертах назвать бессонницей и дурными снами. Накануне вечером мистер Ральстон обедал в гостях у доктора Беннета. Доктор хотел, чтобы мистер Ральстон провел ночь у него, тот вначале согласился, но потом передумал и отправился спать домой. Именно это он имеет в виду в начальной фразе своего письма. Профессиональный долг заставляет доктора Беннета воздержаться от дальнейшего описания симптомов болезни мистера Ральстона. Когда его спросили, можно ли объяснить самоубийство Ральстона состоянием его психики, доктор Беннет осторожно ответил, что самоубийство всегда объясняется состоянием психики.

Несмотря на всю растерянность и горе, я не мог улыбнуться этим строкам.

Доктор Беннет заявил, что Алан, который упоминается в письме, это доктор Алан Карнак, также старый друг мистера Ральстона, который сегодня возвращается в Нью-Йорк после трехлетнего пребывания в Северной Африке. Доктор Карнак хорошо известен в научных кругах своими этнологическими исследованиями. Доктор Беннет сказал, что мистер Ральстон считал: некоторые симптомы его болезни могут быть объяснены доктором Карнаком, который хорошо знает умственные заболевания примитивных народов.

– А теперь главное, – сказал Беннет и указал на следующий абзац.

После визита в полицию доктор Беннет ответил на вопросы репортеров, но не смог сообщить никаких новых сведений. Он сказал, что за две недели до смерти мистер Ральстон

снял со своих счетов большие суммы и неизвестно, что стало с этими деньгами. Похоже, он тут же пожалел о сказанном, заявив, что это не имеет отношения к самоубийству мистера Ральстона. Он неохотно признал, однако, что речь может идти более чем о ста тысячах долларов и что полиция занимается этим обстоятельством.

Я сказал:

– Похоже на шантаж.

Он ответил:

– Никаких доказательств. Но тут передано все, что я сказал полиции и репортерам.

– Репортеры скоро будут здесь, Алан. И полиция. Я ухожу. Ты меня не видел. Не имеешь ни малейшего представления о происходящем. Больше года ничего не слышал о Ральстоне. Скажи им, что когда свяжешься со мной, может, что-то сможешь добавить. А сейчас – ты ничего не знаешь. И это правда – ты действительно ничего не знаешь. Держись этого.

И он пошел к двери. Я сказал:

– Минутку, Билл. Но что скрывается за всем, что я прочитал?

Он ответил:

– Это тщательно замаскированная приманка.

– А кто на нее должен клюнуть?

– Убийца Дика.

Он повернулся к двери.

– И еще кое-кто совсем в твоем вкусе. Ведьма.

И закрыл за собой дверь.

2. МАДЕМУАЗЕЛЬ ДАХУТ

Вскоре после ухода Билла меня посетил представитель полиции. Было очевидно, что он считает свое посещение пустой формальностью. Вопросы его были поверхностными, и он не спрашивал, виделся ли я с Беннетом. Я угостил его скотчем, и он расслабился. Сказал:

– Не одно, так другое. Если у тебя нет денег, загоняешь себя насмерть, добывая их. А если есть, все время кто-то старается тебя ограбить. Или свихнешься, как этот бедняга, и тогда что толку от твоих денег? Я слышал, этот Ральстон был неплохой парень.

Я согласился. Он выпил еще и ушел.

Потом пришли три репортера: один из «Сити Ньюс», двое из вечерних газет. Они задали несколько вопросов о Дике, но больше их интересовали мои путешествия. Я почувствовал облегчение, послал за второй бутылкой скотча и рассказал им несколько историй о волшебных зеркалах женщин Риффа, которые считают, что в определенное время и при определенных условиях могут захватить отражения тех, кого любят или ненавидят, и тем самым распоряжаться их душами.

Репортер из «Сити Ньюс» сказал, что если бы риффские женщины обучили его своему искусству, он смог бы завладеть душами всех изготовителей зеркал в Америке, помочь им выйти из депрессии и тем самым разбогатеть. Остальные двое мрачно признали, что знают издателей, чьи отражения они готовы хоть сейчас поймать.

Я рассмеялся и сказал, что лучше пригласить одного-двух старинных болгарских каменщиков. Нужно заманить издателя, дать каменщику возможность измерить с помощью веревки его тень. После этого каменщик положит веревку в ящичек, который замурует в стене. Через сорок дней издатель умрет, а его душа будет сидеть в ящике рядом с веревкой.

Один из репортеров мрачно заметил, что сорок дней – слишком долго для человека, которого он имеет в виду. А другой с обезоруживающей наивностью спросил, верю ли я, что подобные вещи возможны. Я ответил, что если человек убежден, что в определенный день он умрет, он в этот день и умрет. Не потому, что тень его измерили веревкой, а веревку замуровали, а потому, что верит, что это его убьет. Это просто внушение, самогипноз. Подобно этому кахуна, колдуны южных морей, предсказывают смерть человека, и этот человек умирает, конечно, если знает, что кахуна предсказал его смерть.

Мне нужно было подумать раньше. В газетах лишь несколько строк было посвящено тому, что я отвечал на вопросы полиции и не смог пролить какой-либо свет на самоубийство Ральстона. Но в газете наивного репортера была специальная статья.

«Хотите избавиться от своих врагов? Раздобудьте волшебное зеркало риффских женщин или пригласите болгарского каменщика. Доктор Алан Карнак, известный исследователь, рассказывает, как отделаться от тех, кто вам не нравится. Но сначала вы должны убедить их, что можете это сделать», – гласили заголовки.

Неплохая статья, хотя временами я начинал браниться. Я перечитал ее и рассмеялся. В конце концов я сам в этом виноват. Прозвонил телефон, меня вызывал Билл. Он неожиданно спросил:

– Как тебе пришло в голову разговаривать с репортерами о тенях?

Он нервничал. Я сказал:

– Да никак. А почему бы мне не поговорить с ними о тенях?

Какое-то время он молчал. Потом спросил:

– Ничего не направило тебя на эту тему? Никто не предложил ее?

– Все страньше и страньше, как говаривала Алиса. Нет, Билл, я сам поднял эту тему.

И никакая тень не нашептывала мне на ухо...

Он резко прервал:

– Не говори так!

Теперь я действительно удивился, потому что в голосе Билла звучал страх.

– Да никакой причины не было. Просто так получилось, – повторил я. – А в чем дело, Билл?

– Неважно. – Я еще больше удивился облегчению в его голосе. Он быстро сменил тему. – Завтра похороны Дика. Увидимся там.

Единственная вещь, которую меня не заставят и не убедят сделать, – это присутствовать на похоронах друга. Если с похоронами не связаны какие-нибудь интересные и незнакомые мне обряды, они бессмысленны. Я хочу помнить друзей живыми, энергичными, проворными. Картина гроба заслоняет это все, и я теряю друзей. По-моему, животные в этом смысле поступают мудрее. Они прячутся и умирают. Билл знает, что я об этом думаю, поэтому я ответил:

– Там мы с тобой не увидимся. – И чтобы пресечь спор, спросил:

– Кто-нибудь клюнул на твою приманку?

– И да и нет. Не настоящая поклевка, как я надеялся, но внимание с совершенно неожиданных направлений. После того как я ушел от тебя, позвонил поверенный Дика и спросил, что мне известно о взятых Диком деньгах. Он рассказал, что они пытаются установить, что с ними сделал Дик, но не могут. Он мне не поверил, конечно, когда я ответил, что ничего не знаю; что у меня только смутные подозрения. Я его не виню. Сегодня утром позвонил душеприказчик Стентона и задал тот же вопрос. Сказал, что перед смертью Стентон снимал значительные суммы, и они не могут установить их местонахождение.

Я свистнул.

– Странно. А как насчет Колхауна и Марстона? Если у них то же самое, то начинает попахивать.

– Пытаюсь установить, – ответил он. – До свидания...

– Минутку, Билл, – сказал я. – Я умею ждать и все такое. Но меня мучает любопытство. Когда мы с тобой увидимся и что мне до того времени делать?

Ответил он таким серьезным голосом, какой я у него не слышал.

– Алан, ничего не делай, пока я не выложу перед тобой карты. Не хочу сейчас ничего объяснять, но поверь, у меня убедительные доводы. Скажу тебе только одно. Твое интервью – это еще одна приманка, и мне кажется, она еще лучше моей.

Это было во вторник. Естественно, я был крайне удивлен и возбужден. Настолько, что если бы кто угодно, кроме Билла, попросил меня сидеть спокойно и ничего не предпринимать, я бы страшно рассердился. Но Билл знает, что делает, я был уверен в этом. Поэтому я ждал.

В среду похоронили Дика. Я просматривал свои записи и начал первую главу книги о марокканских колдунах. В четверг вечером позвонил Билл.

– Завтра вечером у доктора Лоуэлла небольшой прием, – сказал он. – Доктор де Керадель с дочерью. Я хочу, чтобы ты пришел. Обещаю, будет интересно.

Де Керадель? Знакомое имя.

– Кто это? – спросил я.

– Рене де Керадель, французский психиатр. Ты, наверно, читал его...

– Да, конечно, – прервал я. – Он продолжил эксперименты Шарко по гипнозу в больнице «Сальпетриер». Начал там, где Шарко остановился. Несколько лет назад при неясных обстоятельствах покинул «Сальпетриер». То ли пациенты умерли, то ли он применял слишком неортодоксальные методы.

– Это он.

Я сказал:

– Буду. Мне интересно с ним встретиться.
– Хорошо, – сказал Билл. – Обед в семь тридцать. Надень вечерний костюм. И приходи на час раньше. С тобой хочет до прихода гостей поговорить одна девушка.
– Девушка? – удивленно переспросил я.
– Элен, – с усмешкой сказал Билл. – И не разочаровывай ее. Ты ведь ее герой. – И он повесил трубку.

Элен – сестра Билла. Моложе меня лет на десять. Я не видел ее пятнадцать лет. Помнил озорного ребенка. Глаза слегка раскосые и желтовато-карие. Волосы чуть рыжеватые. Когда я видел ее в последний раз, она была неуклюжей и склонной к полноте. Ходила ха мной следом, когда я на каникулы приезжал к Биллу, сидела и молча смотрела на меня, отчего я начинал нервничать.

Трудно сказать, то ли это было молчаливое восхищение, то ли чистейшая проказа. Тогда ей было двенадцать. Никогда не забуду, как она с невинным видом усадила меня на подземное осиное гнездо: не забуду и того, как, ложась в постель, обнаружил в ней семейство ужей. Первое могло быть случайностью, хотя я в этом сомневался, но второе нет. Я выбросил ужей в окно и впоследствии ни словом, ни взглядом, ни жестом не выдал этого происшествия, получив в награду замешательство девочки от моего молчания и ее явное, но поневоле немое любопытство. Я знал, что она закончила Смит-колледж и изучала искусство во Флоренции. Интересно, какой она стала, когда выросла.

На следующий день в библиотеке медицинской академии я прочел несколько статей де Кераделя. Несомненно, странный человек, и теории у него странные. Неудивительно, что «Сальпетриер» избавилась от него. Если отбросить словесное научное обрамление, главная мысль удивительно похожа на то, что говорил мне много-раз-рожденный лама в монастыре Джиангце на Тибете. Святой человек и известный чудотворец, искатель странных знаний. Суеверные люди могут назвать такого колдуном. Примерно то же говорил мне греческий монах в Дельфах. Плащ христианства едва прикрывал у него случай явного языческого атавизма. Он предложил продемонстрировать свои способности и сделал это. И почти убедил меня. Припоминая теперь то, что он мне показывал, я думаю, что он на самом деле убедил меня.

Я почувствовал сильный интерес к доктору де Кераделю. Имя бретонское, как и мое, и такое же необычное. У меня в памяти всплыло еще одно воспоминание. В семейных хрониках де Карнаков есть упоминание о де Кераделях. Я просмотрел хроники. Между двумя семействами не было любви, мягко выражаясь. Но то, что я прочел, подогрело мое любопытство к де Кераделю почти до лихорадочного состояния.

Я на полчаса опоздал к доктору Лоуэллу. Дворецкий провел меня в библиотеку. Из большого кресла поднялась девушка и пошла мне навстречу с протянутой рукой.

– Здравствуй, Алан, – сказала она.

Я, мигая, смотрел на нее. Невысокая, но с пропорциями, которые придавали скульпторы афинского золотого века своим танцующим девушкам. Тонкое, как паутина, черное платье не скрывало этих пропорций. Волосы медного цвета и убраны в высокую прическу. Тяжелый шиньон на шее показывает, что она устояла перед соблазном короткой стрижки. Глаза золотого янтарного цвета и изящно наклонены. Нос маленький и прямой, подборок круглый. Кожа не молочно-белая, как часто бывает у рыжеволосых, а золотистая. Такое лицо и такая голова могли бы послужить моделью для лучшей золотой монеты Александра. Слегка архаичные, тронутые античной прелестью. Я снова замигал. И выпалил:

– Не может... Элен!

Глаза ее блеснули, проказливое выражение, заставившее меня вспомнить ужей, появилось на лице. Она вздохнула:

– Она самая, Алан! Она самая! А ты – о, позволь мне взглянуть на тебя. Да, по-прежнему герой моего детства. То же живое смуглое лицо, как у... я тебя называла Ланселотом Озерным, про себя, конечно. То же стройное сильное тело – я тебя называла также Черной Пантерой, Алан. А помнишь, как ты запрыгал, как пантера, когда тебя ужалили осы...

Она склонила голову, и ее плечи затряслись. Я сказал:

– Ты маленький чертенок! Я так и знал, что ты сделала это нарочно.

Она приглушенно ответила:

– Я не смеюсь, Алан. Я плачу.

Она взглянула на меня, и на глазах у нее действительно были слезы, но я уверен, это не слезы горя. Она сказала:

– Алан, долгие, долгие годы я хотела тебя кое о чем спросить. Хотела, чтобы ты мне ответил. Нет, не ответил, что ты меня любишь, дорогой. Нет! Нет! Я всегда знала, что рано или поздно это произойдет. Нет, о другом...

Я тоже смеялся, но со странным смешанным чувством. Я сказал:

– Скажу тебе все. Даже, что я тебя люблю... и, может, на самом деле...

– Ты нашел ужей в своей постели? Или они расползлись до тебя?

Я повторил:

– Ты маленький чертенок!

– Значит они там были?

– Да, были.

Она удовлетворенно вздохнула.

– Ну, одним комплексом меньше. Теперь я знаю. Мне так иногда хотелось узнать, что я не могла выдержать.

Она подняла ко мне лицо.

– Поскольку ты все равно будешь меня любить, Алан, можешь меня поцеловать.

Я ее поцеловал. Может, она и дурачилась, говоря о герое своего детства, но в моем поцелуе дурачества не была – и в ее ответном тоже. Она вздрогнула и положила голову мне на плечо. Томно сказала:

– Вот и еще одного комплекса не стало. Где же я остановлюсь?

Кто-то кашлянул у двери. Прошептал извиняясь:

– Мы не хотели мешать.

Элен опустила руки, и мы повернулись. Я понял, что у двери стоит дворецкий и еще один человек. Но я не мог оторвать взгляда от девушки – или женщины, стоявшей с ними.

Знаете как бывает: в метро, или в театре, или на скачках вдруг почему-то, а может, и вовсе беспричинно чье-нибудь лицо привлекает внимание в толпе, как будто твой мысленный прожектор осветил его, и все остальные лица становятся туманными и отступают на второй план. Со мной это часто случается. Что-то в таких лицах, несомненно, пробуждает старые забытые воспоминания. Или оживляет память предков, чьи призраки всегда смотрят через наши глаза. Вот такое у меня было впечатление от лица этой девушки, и даже больше.

Я не видел больше никого, даже Элен.

Никогда я не видел таких голубых глаз, вернее, глаз странно глубокого фиолетового оттенка. Большие, необычно широко расставленные, с длинными загнутыми черными ресницами и тонкими, словно нарисованными черными бровями, которые почти встречались над орлиным, но изящным носом. Я скорее почувствовал, чем увидел цвет этих глаз. Лоб у нее широкий, но низкий ли, сказать невозможно: он скрыт прядями чистого золота, и концы волос на голове завиваются, и такие они тонкие и блестящие, что создается впечатление ореола вокруг головы. Рот чуть великоват, но прекрасно очерчен и изысканно чувственен.

Кожа ее – чудо, белая, но полная жизни, как будто сквозь нее просвечивает лунное сияние.

Ростом почти с меня, с женственной фигурой, с полной грудью. Грудь такая же чувственная, как губы. Голова и плечи, как лилия, выступают из чашечки блестящего, цвета морской волны платя.

Красивая женщина, но я сразу понял, что ничего небесного в голубизне ее глаз нет. И ничего святого в ореоле вокруг головы.

Само совершенство. Но я почему-то почувствовал приступ ненависти. Я вдруг понял, как можно разрезать картину – шедевр красоты, или взять молот и разбить статую – другой такой же шедевр, если они возбуждают такую ненависть, какую я испытал в этот момент.

И тут я подумал:

– Я ее ненавижу – или боюсь?

И все это в мгновение ока.

Элен отошла от меня с протянутой рукой. В ней не было никакого смущения. Как будто прервали не объятие, а простое рукопожатие. Она с улыбкой сказала:

– Я Элен Беннет. Доктор Лоуэлл попросил меня принять вас. Вы ведь доктор де Керадель?

Я посмотрел на человека, склонившегося с поцелуем к ее руке. Он распрямился, и я почувствовал замешательство. Билл сказал, что придут доктор де Керадель с дочерью, но этот человек выглядел не старше девушки, если она его дочь. Правда, в чуть более бледном золоте его волос виднелись серебряные нити; правда, его голубые глаза не имели такого фиолетового оттенка...

Я подумал: «Но у них нет возраста. – И сразу: – Да что это со мной такое?»

Мужчина сказал:

– Я доктор де Керадель. А это моя дочь.

Девушка – или женщина – рассматривала нас с Элен, явно забавляясь. Странно отчетливо выговаривая слова, доктор де Керадель сказал:

– Мадемуазель Дахут д'Ис, – немного поколебавшись, добавил: – де Керадель.

Элен сказала:

– А это доктор Алан Карнак.

Я смотрел на девушку – или женщину. Имя Дахут д'Ис что-то затронуло в моей памяти. А когда Элен назвала меня, фиолетовые глаза расширились, стали огромными, прямые брови соединились над носом в одну линию. Я почувствовал ее взгляд, как физический удар. Она, казалось, впервые увидела меня. И в глазах ее появилось что-то угрожающее... собственническое. Тело ее напряглось. Она как бы про себя сказала:

– Алан де Карнак...

Потом посмотрела на Элен. Взгляд был расчетливым, оценивающим. Но и презрительно равнодушным, я это сразу понял. Так может посмотреть королева на служанку, осмелившуюся поднять взгляд на ее любовника.

Правильно я понял ее взгляд или нет, но Элен что-то такое почувствовала. Она повернулась ко мне и сладко сказала:

– Дорогой, мне за тебя стыдно. Проснись!

И боком туфельки незаметно толкнула меня в ногу.

Но тут вошел Билл, а с ним почтенный седовласый джентльмен, который, несомненно, был доктором Лоуэллом.

Не знаю, когда я еще так радовался появлению Билла.

3. ТЕОРИИ ДОКТОРА ДЕ КЕРАДЕЛЯ

Я дал Биллу наш старый сигнал тревоги, и после представлений он увел меня, оставив мадемуазель Дахут с Элен и доктора де Кераделя с доктором Лоуэллом. Мне очень хотелось выпить, и я сказал Биллу об этом. Билл без комментариев передал мне коньяк и содовую воду. Я выпил неразбавленного коньяку.

Элен привела меня в замешательство, но это замешательство было приятным и не из-за него мне потребовался алкоголь. А вот мадемуазель Дахут – это совсем другое дело. Вот она вызвала настоящее смятение. Мне пришло в голову сравнение с кораблем, идущим под парусом с опытным капитаном и по хорошо исследованным морям. Элен подобна порыву, хорошо укладывающемуся в известную картину, а мадемуазель Дахут – урагану, дующему совсем в новом направлении и уносящему корабль в неизведанные воды. В этом случае ваши навигационные познания вам мало помогут. Я сказал:

– Элен способна привести в порт Рай, а другая – в порт Ад.

Билл ничего не ответил, продолжая смотреть на меня. Я налил себе вторую порцию. Билл спокойно сказал:

– За обедом будут коктейли и вина.

– Прекрасно, – ответил я и выпил коньяк.

И подумал:

– Не ее адская красота так выбила меня из равновесия. Но почему я так возненавидел ее с первого же взгляда?

Теперь ненависти во мне больше не было. Было только страстное любопытство. Но почему мне кажется, что я когда-то был знаком с ней? И почему кажется, что она знает меня лучше, чем я ее? Я прошептал:

– Она заставляет вспомнить о море, вот что.

– Кто?

– Мадемуазель д'Ис.

Он сделал шаг назад и сказал, как будто его что-то душило:

– А кто такая мадемуазель д'Ис?

Я подозрительно посмотрел на него и спросил:

– Ты не знаешь имена своих гостей? Эта девушка там внизу – мадемуазель Дахут д'Ис де Керадель.

Билл ответил:

– Нет, я этого не знал. И Лоуэлл представил ее только как де Керадель.

Спустя минуту он сказал:

– Вероятно, еще одна порция тебе не повредит. А я присоединюсь.

Мы выпили. Он небрежно заметил:

– Никогда раньше не встречался с ними. Де Керадель позвонил Лоуэллу вчера утром, как один известный психиатр другому. Лоуэлл заинтересовался и пригласил его с дочерью на обед. Старик очень любит Элен, и со времени своего возвращения в город она всегда на его приемах играет роль хозяйки. Она его тоже любит.

Он допил свой коньяк и поставил стакан. Потом по-прежнему небрежно добавил:

– Я так понял, что де Керадель здесь уже больше года. Однако до вчерашних интервью, твоего и моего, он ни разу нас не навещал.

Я подпрыгнул, когда до меня дошло, на что он намекает. Я сказал:

– Ты хочешь сказать...

– Ничего не хочу. Просто указываю на совпадение.

– Но если они имеют отношение к смерти Дика, зачем им рисковать, приходя сюда?

– Чтобы узнать, много ли нам известно. – Он колебался. – Это может ничего не значить. Но... именно о таких случаях я думал, готовя свою наживку. А де Керадель и его дочь похожи на рыбу, которую я надеялся поймать... особенно теперь, когда я знаю о д'Ис. Да, особенно.

Он обошел вокруг стола и положил руки мне на плечи.

– Алан, то, что я думаю, может показаться тебе сумасшествием. Да и мне самому иногда кажется. Не Алиса в Стране Чудес, а Алиса в Стране Дьявола. Я хочу, чтобы сегодня ты говорил все, что придет в голову. Вот и все. Пусть тебя не удерживают соображения вежливости, приличия, удобства или еще какие-нибудь. Если считаешь, что твои слова могут стать оскорблением, пусть так и будет. Не заботься о том, что подумает Элен. Забудь о Лоуэлле. Говори все, что приходит в голову. Если де Керадель будет утверждать что-то, с чем ты не согласен, не слушай вежливо, возражай ему. Если он сорвется, тем лучше. Выпей столько, чтобы всякие сдерживающие соображения о вежливости тебе не мешали. Ты будешь говорить, я – слушать. Понятно?

Я рассмеялся и сказал:

– *In vino veritas*. Твоя мысль заключается в том, что *vino* мое, а *veritas* – у противников. Здравая психология. Ладно, Билл, выпью еще немного.

Он сказал:

– Ты знаешь свои возможности. Но будь осторожен.

Мы спустились вниз к обеду. Я чувствовал себя заинтересованным, веселым и беззаботным. Представление о мадемуазель упростилось до тумана серебристо-золотых волос с двумя фиолетовыми пятнами на белом лице. С другой стороны, Элен оставалась четкой античной монетой. Мы сели за стол. Доктор Лоуэлл сидел во главе, слева от него де Керадель, справа мадемуазель Дахут. Элен сидела рядом с де Кераделем, а я рядом с мадемуазель. Билл сидел между мной и Элен. Стол был красиво убран, и вместо электричества горели свечи. Дворецкий принес коктейли. Я поднял свой и сказал Элен:

– Ты прекрасная античная монета, Элен. Тебя отчеканил Александр Великий. И ты будешь в моем кармане.

Доктор Лоуэлл удивленно посмотрел на меня. Но Элен чокнулась со мной и прошептала:

– Ты ведь никогда не потеряешь меня, дорогой?

Я ответил:

– Нет, сердце мое, и не отдам тебя никому, и никому не позволю украсть мою любимую античную монету.

Ко мне прижалось мягкое плечо. Я отвел взгляд от Элен и посмотрел прямо в глаза мадемуазель. Теперь они не были просто фиолетовыми пятнами. Удивительные глаза. Большие, чистые, как вода на тропической отмели, и в них поблескивали маленькие светло-лиловые искорки, как блестит солнце в мелкой тропической воде, когда поворачиваешь голову и смотришь сквозь чистую воду.

Я сказал:

– Мадемуазель Дахут, почему, глядя на вас, я думаю о море? Я видел в Средиземном море цвет точно, как ваши глаза. А пена на волнах белая, как ваша кожа. И водоросли, как ваши волосы. Ваш аромат – аромат моря, а ходите вы как волна...

Элен протянула:

– Как ты поэтичен, мой дорогой. Может, тебе лучше заняться супом, а не брать другой коктейль?

Я ответил:

– Дорогая, ты моя античная монета. Но ты еще не в моем кармане. И я не в твоём. Я выпью еще коктейль, а потом займусь супом.

Она вспыхнула. Я пожалел о сказанном. Но взгляд Билла подбодрил меня. И глаза мадемуазель отплатили мне за любые угрызения совести – если бы я только не понял, что за вновь вспыхнувшей ненавистью совершенно определенно скрывается страх. Она легко положила свою руку на мою. Рука была щекочуще теплой. При ее прикосновении странное неприятное отталкивающее ощущение прошло. Я почти с болью осознал ее исключительную красоту. Она сказала:

– Вы любите... старинные вещи. Потому что в вас древняя кровь... кровь Арморики. Вы, кажется, помните...

Мой коктейль пролился на пол. Билл сказал:

– О, прости, Алан. Как это неуклюже с моей стороны. Бриггс, принесите доктору Карнаку другой.

– Все в порядке, Билл, – сказал я.

Надеюсь, я сказал это легко, потому что глубоко во мне горел гнев. Интересно, сколько времени прошло с этого «помните» мадемуазель и до того, как перевернулся мой стакан. Когда она произнесла это, ее щекочущее тепло превратилось в огненную точку, эта искра воспламенила мой мозг. И вместо приятной освещенной свечами комнаты я увидел обширную равнину, уставленную огромными монолитами. Эти монолиты стояли рядами и сходились к центру, в котором находилась гигантская пирамида из камней. Я знал, что это Карнак, загадочный памятник друидов и забытых народов, живших до друидов. От этого места происходит моя фамилия, только за столетия добавился один слог.

Но это не тот Карнак, который я видел в Бретани. Это место моложе, все камни на месте, стоят прямо; их еще не изгрызли зубы неисчислимых столетий. По проходам между монолитами идут люди, сотни людей. И хотя я знал, что дело происходит днем, какая-то чернота нависла над склепом, находившимся в центре круга. И океана я не видел. Там, где должен был быть океан, виднелись высокие башни из серого и розового камня, туманные очертания стен большого города. Я стоял, как мне показалось, очень долго, и страх медленно вползал мне в сердце, как прилив. А с ним ползли холодная неумолимая ненависть и гнев.

Я услышал слова Билла – и снова оказался в комнате. Страх миновал. Гнев остался.

Я взглянул в лицо мадемуазель Дахут. Мне показалось, что я вижу в нем торжество и радостное оживление. Я прекрасно понимал, что произошло, и мне не нужно было отвечать на ее прерванный вопрос. Она знала. Это какой-то гипноз, внушение в очень высокой степени. Я подумал, что если Билл прав в своих подозрениях, то со стороны мадемуазель Дахут было не слишком умно раскрывать так быстро свои карты. А может, она просто уверена в себе. Я постарался не думать об этом.

Билл, Лоуэлл и де Керадель разговаривали. Элен слушала и краем глаза следила за мной. Я прошептал мадемуазель:

– Я знаю колдуна в Зулуленде, который может сделать то же самое, мадемуазель де Керадель. Он называют это «посылать душу». Но он не так прекрасен, как вы; может, поэтому ему требуется больше времени.

Я готов был уже добавить, что она быстра, как нападающая змея, но сдержался.

Она не побеспокоилась ответить. Спросила:

– Вы так думаете... Алан де Карнак?

Я снова рассмеялся:

– Я думаю, ваш голос – это голос моря.

Так оно и было: я не слышал более мягкого сладкого контральто; голос низкий, убаюкивающий, шепчущий, успокаивающий, как шелест волн на длинном гладком берегу. Она сказала:

– Но разве это комплимент? Вы сегодня много раз сравнивали меня с морем. Разве море – предательское?

– Да, – сказал я. Пусть понимает ответ как хочет. Она не казалась оскорбленной.

За обедом продолжались разговоры и том и о сем. Хороший обед, и вино хорошее. Дворецкий так внимательно следил за моим стаканом, что я подумал, уж не дал ли ему указаний Билл. Взгляды мадемуазель на жизнь оказались космополитичными, она умна и, несомненно, очаровательна – если использовать это затасканное слово. У нее дар казаться тем, чем она хочет представить себя в разговоре. Ничего экзотического, ничего загадочного теперь в ней не было. Современная хорошо информированная, ухоженная молодая женщина исключительной красоты. Элен была восхитительна. Ничто не заставляло меня спорить, быть невежливым или оскорбительным.

Мне показалось, что Билл смущен, находится в замешательстве, как пророк, предсказавший явление, которое и не думает материализоваться. Если де Керадель был заинтересован в смерти Дика, ничто об этом не свидетельствовало. Некоторое время они с Лоуэллом негромко что-то обсуждали, а остальные в их разговоре не участвовали. Вдруг я услышал слова Лоуэлла:

– Конечно, вы не верите в объективную реальность подобных существ?

Вопрос сразу привлек мое внимание. Я вспомнил разорванное письмо Дика. Дик хотел, чтобы Билл считал что-то объективным, а не субъективным. Я заметил, что Билл внимательно прислушивается. Мадемуазель с легким интересом смотрела на Лоуэлла.

Доктор Керадель ответил:

– Я знаю, что они объективны.

Доктор Лоуэлл недоверчиво спросил:

– Вы верите, что эти создания, эти демоны... действительно существовали?

– И по-прежнему существуют, – сказал де Керадель. – Точно воспроизведите условия, при которых обладавшие древней мудростью пробуждали эти существа – силы, присутствия, власти, назовите их как угодно, – и дверь откроется, и Они придут. Та Светлая, которую египтяне именовали Изидой, снова, как в старину, встанет перед нами, предлагая поднять Ее вуаль. И Темный и Сильный, которого египтяне называли Сет и Тифон, но у которого есть и более древнее имя, известное в храмах более древней и мудрой расы, – Он тоже проявит себя. Да, доктор Лоуэлл, и другие придут через открытые двери учить нас, советовать нам, направлять нас и владеть нами...

– И приказывать нам, отец мой, – почти нежно добавила мадемуазель де Керадель.

– Или приказывать нам, – повторил де Керадель механически; кровь отхлынула от его лица, и мне показалось, что во взгляде, который он бросил на дочь, был страх.

Я коснулся ноги Билла и почувствовал его подбадривающее пожатие. Поднял свой бокал и сквозь него посмотрел на де Кераделя. И сказал раздражающе поучительно:

– Доктор де Керадель настоящий шоумен. Если подготовить подходящее театральное помещение, подходящий сценарий, подобрать состав исполнителей, соответствующую музыку, то в нужный момент из-за кулис появятся демоны. Что ж, я видел, как в таких условиях производились прекрасные иллюзии. Настолько реальные, что способны обмануть простых любителей...

У де Кераделя сузились глаза; он привстал со своего кресла, прошептал:

– Любителей? Вы считаете меня любителем?

Я вежливо ответил, по-прежнему глядя сквозь свой стакан:

– Вовсе нет. Я сказал – шоумен, организатор представления.

Он с трудом подавил свой гнев и сказал Лоуэллу:

– Это не иллюзии, доктор Лоуэлл. Существуют образцы, формулы, которые нужно соблюдать. Есть ли что-либо более жесткое, чем формулы, при помощи которых католическая церковь устанавливает контакт со своим Богом? Пение, молитвы, жесты, даже интона-

ции молитв – все жестко закреплено. В любом ритуале: мусульманском, буддистском, синтоистском – каждый акт поклонения в любой религии по всему миру жестко определен. Человеческий мозг сознает, что только при точном соблюдении формулы может он соприкоснуться с мозгом... нечеловеческим. Это древняя мудрость, доктор де Карнак, но довольно об этом. Говорю вам: то, что появляется на моей сцене, не иллюзия.

Я спросил:

– Откуда вы знаете?

Он негромко ответил:

– Знаю.

Доктор Лоуэлл успокаивающе сказал:

– Исключительно странные и исключительно реальные видения можно вызвать комбинацией звуков, запахов, движений и цветов. Кажется, существуют комбинации, которые у разных индивидуумов вызывают приблизительно те же видения, устанавливают одинаковый эмоциональный ритм. Но я никогда не имел доказательств, что эти видения не субъективны...

Он помолчал, и я заметил, что руки у него сжаты, костяшки пальцев побелели; он медленно сказал:

– За одним исключением.

Доктор де Керадель следил за ним, и сжатые руки не скрылись от его внимания. Он спросил:

– И это исключение?

Лоуэлл хрипло ответил:

– У меня нет доказательств.

Де Керадель продолжал:

– Но в вызывании духов есть еще один элемент, который не относится к сцене, не принадлежит шоумену, доктор Карнак. Это, если использовать химический термин, катализатор. Он вызывает необходимые последствия, а сам при этом остается незатронутым и неизменным. Это человеческий элемент – мужчина, женщина, ребенок, находящийся в связи с пробуждаемым Существом.

Такой была пифия в Дельфах, сидевшая на треножнике с мозгом, открытым богу, и говорившая его голосом. Таковы жрицы Изида в Древнем Египте, и жрицы Иштар в Вавилоне – впрочем, богиня одна и та же. Таковы жрицы Гекаты, богини Ада, чьи тайные обряды оставались забытыми, пока я не восстановил их. Таков был воин-король, жрец Калкру, Кракена древних уйгуров. И таковы были жрецы, по призыву которых приходил Черный Бог скифов в виде чудовищной лягушки...

Билл прервал его:

– Но все это в далеком прошлом. В них уже много столетий никто не верит. И линия этих жрецов и жриц давным-давно оборвалась. Как можно сегодня найти такого?

Мне показалось, что мадемуазель бросила предупреждающий взгляд на де Кераделя и собиралась заговорить. Он не обратил на это внимания, захваченный своими мыслями, стараясь получше объяснить их. Он сказал:

– Вы ошибаетесь. Они живут. Они живут в сознании своих потомков. Спят в их мозгу. Спят, пока не появится человек, знающий, как их разбудить. И какова награда разбудившему! Не золото и сверкающее барахло из гробницы Тутанхамона, не добыча Чингиз-Хана или Аттилы... блестящие камешки и ничего не стоящий металл... игрушки. Нет, запасы воспоминаний, улыбки знаний. Это знание возносит своего владельца так высоко над остальными людьми, что он становится богом.

Я вежливо заметил.

– Мне бы хотелось какое-то время побыть богом. Где я могу найти такой запас? Открыть такой улей? Может, ужалят несколько раз, но дело того стоит.

Жилы вздулись на его висках; он сказал:

– Вы насмехаетесь. Тем не менее я намекну. Однажды доктор Шарко загипнотизировал девушку, которая давно была объектом его экспериментов. Неожиданно он услышал другой голос, исходивший из ее горла. Мужской голос, грубый голос французского крестьянина. Доктор Шарко расспрашивал этот голос. И тот рассказал о многом, о таком, чего не могла знать девушка. Голос рассказывал о событиях Жакерии. А Жакерия происходила шестьсот лет назад.

Доктор Шарко записал то, что говорил голос. Позже тщательно проверил. Все подтвердилось. Он проследил родословную девушки. Оказалось, она по прямой линии происходит от предводителя этого восстания. Он попробовал снова. Пошел еще глубже. И услышал другой голос, женский, который рассказывал о событиях, происходивших тысячи лет назад. Рассказывал в подробностях, которые мог знать только непосредственный свидетель. Снова доктор Шарко проверил записи. И снова обнаружил, что голос говорил чистую правду.

Я спросил еще более вежливо:

– Значит, мы пришли к переселению душ?

Он яростно ответил:

– Не смейте смеяться! Шарко проник сквозь множество вуалей в памяти за тысячу лет. А я пошел дальше. Не на тысячу, а на десятки тысяч лет. Я, де Керадель, говорю вам это.

Лоуэлл сказал:

– Но, доктор де Керадель, воспоминания не передаются по наследству. Физические характеристики, слабости, предрасположенности, цвет, форма – да. Сын скрипача может унаследовать пальцы своего отца, его талант, слух, но не воспоминания о нотах, которые играл его отец. Не воспоминания своего отца.

Доктор де Керадель ответил:

– Вы ошибаетесь. Эти воспоминания могут передаваться. Через мозг. Точнее через то, что использует мозг. Я не утверждаю, что каждый человек наследует воспоминания своих предков. Мозг человеческий не стандартизирован. Природа – не рабочий в фирменной одежде. У некоторых людей, похоже, отсутствуют клетки, способные нести эти воспоминания. У других они неполны, неясны, в них много пробелов. Но у некоторых, немногих, записи полны, четки, реальны, как записи в книге, и нужна игла сознания, глаз сознания, чтобы прочесть их.

Меня он игнорировал, а доктору Лоуэллу сказал с напряженной страстностью:

– Говорю вам, доктор Лоуэлл, это так, что бы ни писали о наследственном веществе, хромосомах, генах – маленьких переносчиках наследственности. Говорю вам, я это доказал. И говорю вам, что существуют мозги, в которых записаны воспоминания, уходящие в те времена, когда человек еще не был человеком. Воспоминания его обезьяноподобных предков. И дальше этого – к первым амфибиям, которые выползли из моря и начали долгий подъем по лестнице эволюции, чтобы стать тем, чем мы стали сегодня.

Мне уже не хотелось прерывать, не хотелось вмешиваться – сила веры этого человека была велика. Он сказал:

– Доктор Карнак презрительно упомянул о переселении душ. А я утверждаю, что человек не может вообразить нечто несуществующее и тот, кто презрительно говорит о любом веровании, сам невежественный человек. Именно эта наследственная память лежит в основе веры в реинкарнацию и, может, веры в бессмертие. Позвольте в качестве иллюстрации привести одну из современных игрушек – фонограф. То, что мы называем сознанием, это игла, бегущая по бороздкам, сделанным опытом. Точно так, как игла фонографа бежит по бороздкам пластинки.

– После того как бороздки записаны, игла снова может пройти по ним, это называется воспоминаниями. Мы снова видим, снова слышим, снова живем, читая записанный опыт. Не всегда сознание находит нужную бороздку. Тогда мы говорим, что забыли. Иногда бороздки недостаточно глубоки, диск поврежден, и наши воспоминания смутны, неполны.

– Древние воспоминания, древние диски заключены в другой части мозга, в стороне от тех, что несут воспоминания этой жизни. Очевидно, так должно быть, иначе получилось бы смешение, человеку мешали бы воспоминания об условиях, которые больше не существуют. В древности, когда жизнь была проще и условия не так сложны, эти две области воспоминаний располагались ближе.

– Именно поэтому мы утверждаем, что древний человек больше полагался на «интуицию», а не на разум. И сегодня примитивные племена поступают так же. Но время проходило, жизнь все более усложнялась. Те, кто больше опирался на свои собственные воспоминания, чем на воспоминания предков, получали больше шансов выжить. Как только это расхождение началось, оно должно было совершаться быстро, как все подобные эволюционные процессы.

– Но природа никогда не теряет того, что когда-то создала. Поэтому на определенных стадиях своего развития у человеческого зародыша появляются жабры, а еще позже волосы обезьяны. И поэтому и сегодня есть люди, у которых запасы древних воспоминаний полны, их нужно суметь открыть, доктор Карнак, а открыв, суметь прочесть.

Я улыбнулся и отпил вина.

Лоуэлл сказал:

– Все это весьма предположительно, доктор де Керадель. Если ваша теория верна, эти унаследованные воспоминания будут восприниматься как прошлые жизни теми, кто может их вспомнить. Они могут быть основанием доктрины о переселении душ, о реинкарнации. Как еще их может объяснить примитивный мозг?

Де Керадель сказал:

– Это объясняет множество вещей, например, веру китайцев, что только человек, не имеющий сына, умирает на самом деле. Народную поговорку: «Человек живет в своих детях»...

Лоуэлл сказал:

– Новорожденная пчела отлично знает законы и обязанности улья. Ее не нужно учить везать, обмахивать, чистить, смешивать пыльцу и нектар в желе, которым кормят матку и трутней, не нужно учить, что для работниц следует смешивать другое желе. Никто не учит ее сложным законам жизни улья. Знания, память заключены в яйце, в личинке, в куколке. То же самое справедливо для муравьев и других насекомых. Но это не так для человека и других млекопитающих.

Доктор де Керадель ответил:

– Это справедливо и для человека.

4. УТРАЧЕННЫЙ ГОРОД ИС

В словах де Кераделя много правды. Я встречался с проявлениями наследственной памяти в самых разных уголках земли. Мне очень хотелось поддержать его, несмотря на вполне извинительный намек на мое невежество. Хотелось бы поговорить с ним, как с более осведомленным исследователем.

Вместо этого я осушил свой стакан и строго сказал:

– Бриггс, у меня уже пять минут нечего пить, – а потом обратился ко всем за столом: – Минутку. Будем логичны. Такая важная проблема, как душа и ее странствия, заслуживает внимательного рассмотрения. Доктор де Керадель начал обсуждения, утверждая объективное существование того, что демонстрирует шоумен. Верно, доктор де Керадель?

Он коротко ответил:

– Да.

Я сказал:

– Затем доктор де Керадель упомянул некоторые эксперименты доктора Шарко в области гипноза. Эти случаи меня не убеждают. В южных морях, в Африке, на Камчатке я не раз слышал, как наиболее способные фокусники-шаманы говорят не двумя и не тремя, а десятком разных голосов. Хорошо известно, что загипнотизированный человек иногда начинает говорить не своим голосом. Известно также, что шизоид, то есть человек с расщепленной личностью, может говорить разными голосами – от баса до сопрано. И все это без всякого вмешательства наследственной памяти. Это просто симптомы их состояния. И ничего больше. Я прав, доктор Лоуэлл?

– Да, – сказал Лоуэлл.

Я продолжал:

– Что касается того, что рассказывал Шарко его пациент – кто знает, что рассказывала этой девушке ее бабушка? В семьях часто передаются такие рассказы, дети их запоминают, сохраняют в своем подсознании. К тому же их мог подсказать сам Шарко. Он обнаружил, что некоторые сведения соответствуют действительности. Ничего удивительного для того, кто желает подкрепить свою *idée fixe*, свою любимую теорию. И эти некоторые сведения становятся всем. Но я не так доверчив, как Шарко, доктор де Керадель.

Он сказал:

– Я прочел в газете ваше интервью. Там вы говорите по-другому, доктор Карнак.

Значит, он читал интервью. Я почувствовал, как Билл опять нажимает мне на ногу. И сказал:

– Я пытался объяснить репортерам, что вера в обман необходима, чтобы он стал эффективным. Признаю, что для жертвы нет особой разницы, обман это или реальность. Но это вовсе не значит, что обман становится реальностью. И я старался показать, что защита от обмана очень проста – не верить.

Вены на лбу де Кераделя начали дергаться. Он сказал:

– Под обманом вы понимаете, по-видимому, эффектный номер.

– Больше того, – жизнерадостно заявил я. – Полнейший вздор!

Доктор Лоуэлл выглядел смущенным. Я допил вино и улыбнулся мадемуазель.

Элен сказала:

– У тебя сегодня прекрасные манеры, дорогой.

Я ответил:

– Манеры – к дьяволу! Какие нужны манеры в обсуждении гоблинов, реинкарнации, наследственной памяти, Изиды, Сета и Черного Бога скифов, похожего на лягушку? Я хочу вам кое-что сказать, доктор де Керадель. Я побывал во многих местах земного шара. Я охо-

тился повсюду за гоблинами и демонами. И во всех своих странствиях я ни разу не встречал того, что нельзя объяснить массовым гипнозом, внушением или мошенничеством. Поняли? Ни разу. А я видел многое.

Это ложь, но я хотел посмотреть, как это на него подействует. И увидел. Вены у него на висках вздулись еще сильнее, губы побелели. Я сказал:

– Много лет назад у меня появилась блестящая мысль, которая сводит всю проблему к простейшей форме. Блестящая идея основана на том факте, что слух, вероятно, последнее чувство, умирающее у человека. После остановки сердца мозг продолжает функционировать, пока у него есть кислород. И вот мозг функционирует, а чувства уже мертвы, а умирающему кажется, что проходят дни и недели, хотя на самом деле видения длятся секунды.

– «Небо и Ад, Инкорпорейтед», – вот моя идея. «Обеспечьте себе бессмертные радости!» «Дайте вашему врагу бессмертные мук!» Опытные специалисты-гипнотизеры, мастера внушения будут сидеть у постели умирающего и нашептывать ему, а мозг драматизирует это после того, как все остальные чувства умрут...

Мадемуазель резко сдержала дыхание. Де Керадель со странным напряжением смотрел на меня.

– Вот и все, – продолжал я. – За определенную сумму вы можете дать вашему клиенту бессмертие. Любой тип бессмертия, все, что захочет, от населенного гуриями рая Магомета до рая с ангельскими хорами. А если сумма достаточна, вы можете и врагу вашего клиента нашептать ад на века и века. И, готов поручиться, он туда отправится. Вот какова моя «Небо и Ад, Инкорпорейтед».

– Прекрасная мысль, мой дорогой, – прошептала Элен.

– Прекрасная мысль, – согласился я с горечью. – Но позвольте вам сказать, что она придумана со мной. Положим, она вполне осуществима. Хорошо, возьмем меня, изобретателя. Если существует восхитительная жизнь после смерти, буду ли я наслаждаться ею? Вовсе нет. Я буду думать: «Это только видение в умирающих клетках моего мозга. Это не объективная реальность». Ничего из происходящего в этом будущем, если оно реально, не станет для меня реальностью.

– Я буду думать: «О, да, я это очень хорошо придумал, но все же это только умирающие клетки моего мозга». Конечно, – сказал я мрачно, – есть и компенсация. Если я приземлюсь в традиционном аду, я не восприму его серьезно. И все чудеса, вся магия, все волшебство, которые я видел, не более реальны, чем эти видения умирающего мозга.

Мадемуазель прошептала, чуть слышно, так что понятно было только мне:

– Я могу сделать их реальными для вас, Алан де Карнак, И небо, и ад.

Я сказал:

– В жизни и в смерти ваши теории не могут быть доказаны, доктор де Керадель. По крайней мере для меня.

Он не ответил, продолжая смотреть на меня и постукивая пальцами по столу.

Я продолжал:

– Предположим, например, что вы хотите узнать, кому поклонялись среди камней Карнака. Вы можете воспроизвести все обряды. Можете найти потомка жреца, у которого в мозгу живет древний дух. Но откуда вы знаете, что тот, кто появится на большой пирамиде в кругу монолитов – Собиратель в Пирамиде, Посетитель Алкар-Аза, – что он реален?

Де Керадель недоверчиво спросил напряженным голосом, будто его что-то сдерживало:

– А вы что знаете об Алкар-Азе и о Собирателе в Пирамиде?

Я тоже удивился этому. Не могу припомнить, чтобы когда-либо слышал эти названия. Но они возникли у меня на устах, будто я их давно знаю. Я взглянул на мадемуазель. Она

опустила глаза, но я успел заметить в них торжество, как и тогда, когда при прикосновении ее руки я увидел древний Карнак. Я ответил де Кераделью:

– Спросите у своей дочери.

Глаза его больше не были голубыми, они стали бесцветными. И были похожи на огненные шары. Он молчал, но глаза его требовали от нее ответа. Мадемуазель равнодушно взглянула на него. Пожала белыми плечами. И сказала:

– Я ему не говорила. – И добавила с угрозой: – Может, отец, он помнит.

Я наклонился к ней и коснулся своим стаканом ее. Я снова чувствовал себя очень хорошо. Сказал:

– Я помню... помню...

Элен ядовито заметила:

– Если будешь пить еще, запомнишь головную боль, дорогой.

Мадемуазель прошептала:

– А что вы помните, Алан де Карнак?

Я запел старую бретонскую песню:

Эй, рыбак, скажи скорей, Царица из страны теней
Не проезжала ль здесь верхом На черном жеребце своем
Со сворой призрачной у ног?

Ее не видеть ты не мог.

Конь ее мчится, словно тень От облака в ненастный день,
Как тучи сумрачной копье.

Дахут Белая – имя ее.

Наступило странное молчание. Я заметил, что де Керадель сидит напряженно и смотрит на меня с тем же выражением, с каким смотрел, когда я говорил об Алкар-Азе и Собирателе в Пещере. Лицо Билла побледнело. Я посмотрел на мадемуазель: в ее глазах плясали светло-лиловые искорки. Не представляю, почему старая песня могла произвести такой эффект.

Элен сказала:

– Станный мотив, Алан. А кто эта Дахут Белая?

– Ведьма, мой ангел, – ответил я. – Злая, но прекрасная ведьма. Не рыжая, как ты, а светловолосая. Она жила больше двух тысяч лет назад в городе Ис. Никто не знает, где находился город Ис, но, может, там, где между Киброном и Бель-Илем плещется море. Когда-то здесь была суша. Ис был злым городом, полным ведьм и колдунов, но самой злой из них была Дахут, дочь короля. Она брала себе в любовники, кого хотела. Они удовлетворяли ее ночь, две ночи, редко три. Потом она бросала их, говорят некоторые, в море. Или, как говорят другие, отдавала их своим теням...

Билл прервал:

– Что ты хочешь этим сказать?

Лицо его еще больше побледнело. Де Керадель пристально смотрел на него. Я сказал:

– Я хочу сказать – теням. Разве ты не слышал в песне, что она была королевой теней? Она была ведьмой и заставляла тени подчиняться себе. Любые тени: тени убитых ею любовников, тени демонов, инкубов и суккубов из кошмаров.

– Наконец боги решили вмешаться. Не спрашивайте меня об этих богах. Если это было до христианства, то языческие, если после – христианские. Во всяком случае они, по-видимому, считали, что тот, кто живет мечом, от меча и должен умереть и все подобное. Они послали в Ис юного героя, которого Дахут полюбила страстно и неистово. Это был первый человек, которого она полюбила, несмотря на все свои прежние связи. Но он оказался очень скромным. Он мог простить ей прежние приключения, но чтобы полюбить ее, он хотел убедиться, что она сама его любит. Как она могла убедить его? Очень просто. Ис был построен ниже уровня моря, и его от воды защищали прочные стены. Были одни ворота, через которые могло войти море. Зачем были сделаны эти ворота? Не знаю. Вероятно, на случай торже-

ния, революции или чего-то подобного. Во всяком случае легенда гласит, что такие ворота были. Ключ от них всегда висел на шее короля Иса, отца Дахут.

– «Принеси мне ключ, и я поверю, что ты меня любишь», – сказал герой. Дахут прокралась в спальню отца и сняла у него с шеи ключ. И отдала его своему любимому. Он открыл морские ворота. Море ворвалось в город. Конец злему Ису. Конец злой Дахут Белой.

– Она утонула? – спросила Элен.

– В легенде есть любопытная подробность. Дахут в порыве дочерней преданности прибежала к отцу, разбудила его, взяла своего большого черного жеребца, оседлала его, посадила перед собой короля и попыталась ускакать от волн на возвышение. В конце концов в ней было что-то хорошее. Но – еще одна интересная подробность – восстали ее тени, устремились в волны и стали их двигать все быстрее и выше. И волны обогнали черного жеребца, Дахут и ее папу. И тут уж действительно конец. Но она по-прежнему едет по берегам Киброна на своем черном жеребце, и у ее ног теневая свора... – я неожиданно смолк.

Левая рука у меня была поднята, в ней я держал стакан. Свечи отбрасывали резкую тень руки на скатерть прямо перед мадемуазель.

И белые руки мадемуазель что-то делали с тенью моей руки, как будто просовывали что-то под тень, чем-то окружали ее.

Я опустил руку. Она быстро спрятала свои под стол. Я тотчас же схватил ее за руку и разжал пальцы. В них был длинный волос. Я поднял его над столом и увидел, что волос ее собственный.

Я поднес его к огню свечи и подождал, пока он сгорит.

Мадемуазель насмешливо рассмеялась. Я слышал и смешок де Кераделя. Станным казалось, что его смех был не только откровенным, но и дружеским. Мадемуазель сказала:

– Сначала он сравнивает меня с морем, с предательским морем. Потом намеком, скрытно, со злой Дахут, королевой теней. А потом решает, что я ведьма, и сжигает мой волос. И в то же время говорит, что он недоверчив, что он не верит!

Она снова рассмеялась, и де Керадель снова подхватил ее смех.

Я чувствовал себя глупо, очень глупо. Несомненно, это туше. Я взглянул на Билла. Какого дьявола он завел меня в эту ловушку? Но Билл не смеялся. Он смотрел на мадемуазель с каменным выражением лица. Не смеялась и Элен.

Я улыбнулся и сказал ей:

– Похоже, еще одна леди посадила меня на гнездо ос.

Наступило короткое неловкое молчание. Нарушил его де Керадель.

– Не знаю почему, но мне вспомнился вопрос, который я хотел задать вам, доктор Беннет. Я очень интересуюсь обстоятельствами самоубийства мистера Ральстона, который, как я понял из газет, был не только вашим пациентом, но и близким другом.

Билл ответил спокойно, в лучшей профессиональной манере:

– Вы правы, доктор де Керадель, как друга и пациента я знал его, вероятно, лучше, чем кто бы то ни было.

Де Керадель сказал:

– Меня интересует не только его смерть. Упоминались еще три самоубийства и намекалось, что все они вызваны одной причиной.

– Совершенно верно, – сказал Билл. Де Керадель посмотрел на свой стакан, медленно повертел его в руке и сказал:

– Я действительно очень заинтересован, доктор Беннет. Мы все здесь психиатры. Ваша сестра... и моя дочь... мы им доверяем. Они не станут болтать. Вы действительно считаете, что у этих четырех смертей есть нечто общее?

– Несомненно, – ответил Билл.

- Что? – спросил де Керадель.
- Тени! – сказал Билл.

5. ШЕПЧУЩАЯ ТЕНЬ

Я недоуменно смотрел на Билла. Вспомнил, как он беспокоился из-за того, что я упомянул тени в разговоре с репортерами, и его напряженность, когда говорил о тенях Дахут Белой. И вдруг он снова о тенях. Должна быть какая-то связь, но какая?

Де Керадель воскликнул:

– Тени! Вы хотите сказать, что все они страдали аналогичными галлюцинациями?

– Тени – да, – сказал Билл. – Галлюцинации – не уверен.

Де Керадель задумчиво повторил:

– Вы не уверены. – Потом спросил: – Об этих тенях ваш друг и пациент говорил, что хочет считать их объективными, а не субъективными? Я с большим интересом прочел газетные материалы, доктор Беннет.

– Я в этом уверен, доктор де Керадель, – ответил Билл, и в голосе его чуть слышно звучала ирония. – Да, он хотел, чтобы тень я считал объективной, а не субъективной. Тень, а не тени. Была только одна... – он помолчал и добавил подчеркнуто: – у каждого лишь одна тень, вы знаете.

Я решил, что понял план сражения Билла. Он основывался на интуиции, блефовал, делал вид, что знает о теневой ловушке смерти, чем бы ни была эта тень, точно так же как он делал вид, что знает общую причину смерти всех четверых. Он использовал эту ловушку, чтобы приманить свою рыбу поближе к крюку. А теперь заставляет рыбу клонуть. Не думаю, чтобы он знал больше, чем когда мы разговаривали с ним в клубе. И подумал, что он опасно недооценивает де Кераделя. Последний удар был слишком очевидным.

Де Керадель спокойно говорил:

– Одна тень или несколько, какая разница, доктор Беннет? Галлюцинация может возникать в одной форме – традиция утверждает, что тень Юлия Цезаря появлялась перед раскаивающимся Брутом. Или может быть умножена тысячекратно. Мозг умирающего Тиберия произвел тысячи теней убитых им, они окружили его сметный одр, угрожали ему. Существуют органические нарушения, которые вызывают такие галлюцинации. Например, нарушения в области зрения. Или наркотики и алкоголь. Их порождают аномалии мозга и нервной системы. Они дети самоотравления. Результат лихорадки и высокого кровяного давления. Их также порождает совесть. Следует ли понимать, что вы отвергаете все эти рациональные объяснения?

Билл флегматично ответил:

– Нет. Скорее я не принимаю ни одно из них.

Неожиданно вмешался доктор Лоуэлл:

– Есть еще одно объяснение. Внушение. Постгипнотическое внушение. Если Ральстон и остальные попали под влияние человека, который знает, как контролировать мозг такими методами... тогда я понимаю, как их могли убедить убить самих себя. Я сам...

Пальцы его сжали ножку бокала. Бокал сломался, порезав его. Он обмотал кровоточащую руку носовым платком. И сказал:

– Не беда. Хотел бы я, чтобы воспоминание, вызвавшее это, не резало глубже.

Мадемуазель смотрела на него, на губах ее была легкая улыбка.

Я уверен, что де Керадель ничего не упустил. Он сказал:

– Вы принимаете объяснение доктора Лоуэлла?

Билл неуверенно ответил:

– Нет... не полностью. Не знаю.

Бретонец замолчал, изучая его со странным напряжением. Потом сказал:

– Ортодоксальная наука утверждает, что тень – это всего лишь уменьшение света в определенном месте, вызванное появлением материального тела между источником света и поверхностью. Тень нематериальна. Она ничто. Так говорит ортодоксальная наука. Каким же было материальное тело, бросившее тень на четверых, если это не галлюцинация?

Доктор Лоуэлл сказал:

– Мысль, коварно помещенная в человеческий мозг, может вызвать такую тень.

Де Керадель вежливо ответил:

– Но доктор Беннет не принимает эту теорию.

Билл ничего не сказал. Де Керадель продолжал:

– Если доктор Беннет считает, что причина смерти тень, не признает галлюцинации и то, что тень отбрасывало материальное тело, тогда мы неизбежно придем к заключению, что он приписывает тени признаки материального тела. Тень откуда-то появляется, она преследует человека и принуждает его в конце концов убить себя.

– А это предполагает познавательные способности и целеустремленность, волю и эмоции. Все это – в тени? Все это атрибуты материальных тел, феномены сознания, находящегося в мозгу. Мозг материален и находится в несомненно материальном черепе. Но тень нематериальна, у нее нет черепа для размещения мозга; следовательно, у нее нет мозга и нет сознания. И опять следовательно – нет познавательных способностей и целеустремленности, нет воли и эмоций. И наконец, следовательно, у нее нет понуждений, стремлений, желаний пугать или принуждать материальное существо к самоуничтожению. И если вы все это не признаете, мой дорогой доктор Беннет, вы признаете... колдовство.

Билл спокойно ответил:

– Если так, то почему вы надо мной смеетесь? Что такое ваши теории, которые вы сегодня излагали, как не колдовство? Может, вы обратили меня в свою веру, доктор де Керадель.

Бретонец неожиданно перестал смеяться. Он сказал:

– Да? – и снова медленно: – Да! Но это не теории, доктор Беннет. Это открытия. Или вернее повторение открытий... неортодоксальной науки. – Вены у него на лбу дергались. Он добавил с явной угрозой: – И если именно я открыл вам глаза, то намерен завершить ваше обращение.

Я видел, как внимательно Лоуэлл смотрит на де Кераделя. Мадемуазель смотрела на Билла, и в глазах ее мелькали маленькие дьявольские огоньки: и в ее слабой улыбке я увидел и угрозу и расчет. Над столом нависло странное напряжение, как будто что-то невидимое подготовилось к удару.

Нарушила молчание Элен, сонно процитировав:

– Поцелуй тени и благословение тени...

Мадемуазель рассмеялась: смех ее больше всего походил на смех маленьких волн. Но в нем были полутона, которые мне понравились еще меньше, чем угроза в улыбке. Что-то в этом было нечеловеческое, как будто волны смеются над утонувшим человеком.

Де Керадель быстро заговорил на языке, который я, казалось, узнаю, и в то же время я его не понимал. Мадемуазель стала сдержанной. Она сладко сказала:

– Простите, мадемуазель Элен. Я смеялась совсем не над вами. Я вдруг вспомнила нечто очень забавное. Когда-нибудь я вам расскажу, и вы тоже засмеетесь...

Де Керадель прервал ее, тоже вежливо.

– И вы меня простите, доктор Беннет. Вы должны извинить грубость энтузиаста. И его настойчивость. Я очень прошу вас, если это не нарушает, конечно, доверия между врачом и пациентом, рассказать о симптомах мистера Ральстона. Поведение этой... этой тени, как вы ее называете. Я весьма заинтересован... как профессионал.

Билл ответил:

– Ничего не хотел бы больше. Вы, с вашим уникальным опытом, можете увидеть то, что укрылось от меня. Чтобы удовлетворить профессиональную этику, давайте назовем это консультацией, хотя и посмертной.

Мне показалось, что Билл доволен, что он добился чего-то, к чему вели его маневры. Я немного отодвинул стул, чтобы видеть одновременно мадемуазель и ее отца. Билл сказал:

– Начну с самого начала. Если захотите, чтобы я что-нибудь разъяснил, прерывайте не стесняясь. Ральстон позвонил мне и попросил его осмотреть. Я уже несколько месяцев не видел его и не слышал о нем, думал, что он в одной из своих поездок за границей. Он начал неожиданно. «Что-то со мной неладно, Билл. Я вижу тень. – Я рассмеялся, но он оставался серьезен. И повторил: – Я вижу тень, Билл. И я боюсь!» Я ответил, все еще смеясь: «Если бы ты не видел тени, тогда действительно с тобой что-то неладно».

Он ответил, как испуганный ребенок: «Но, Билл, эту тень ничего не отбрасывает!»

Он придвинулся ко мне, и тут я понял, что он держит себя в руках исключительным усилием воли. Он спросил: «Я схожу с ума? Видеть тень – это симптом сумасшествия? Скажи, Билл, так ли это?»

Я ответил, что это вздор; вероятно, у него неполадки со зрением или с печенью. Он сказал: «Но эта тень... шепчет!»

Я сказал: «Тебе нужно выпить» и дал ему. Потом продолжал: «А теперь постарайся точно описать, что ты видишь, и если можно, когда тебе в первый раз показалось, что ты видишь».

Он ответил: «Четыре ночи назад. Я был в библиотеке, писал...» Позвольте вам объяснить, доктор де Керадель, что он жил в старом доме Ральстонов на Семьдесят восьмой улице, жил один, если не считать Симпсона, дворецкого, унаследованного от отца, и полудесятка слуг. Он продолжал: «Мне показалось, что кто-то скользнул вдоль стены за занавес, закрывавший окно. Окно у меня за спиной, я был погружен в письмо, но впечатление такое яркое, что я вскочил и подошел к окну. Там никого не было. Я вернулся к столу, но не мог избавиться от чувства, что кто-то... или что-то находится в комнате». Он сказал: «Я был так встревожен, что отметил время».

– Умственное отражение зрительной галлюцинации, – сказал де Керадель.

– Очевидное сопутствующее обстоятельство.

Билл сказал:

– Возможно. Во всяком случае немного погодя движение повторилось, но на этот раз справа налево, в противоположном направлении. За последующие полчаса оно повторилось шесть раз, и всегда в противоположном направлении, то есть слева направо, потом справа налево и так далее. Он подчеркнул это, как будто считал очень важным.

Он сказал: «Как будто она ткала». Я спросил, на что она похожа. Он ответил: «У нее нет формы. Она движение. Тогда не было формы». Чувство, что он не один в комнате, усилилось настолько, что спустя короткое время он ушел из библиотеки, не выключая огни, и лег спать. В спальне повторения симптомов не было. Спал он хорошо. И на следующую ночь его ничего не тревожило. И на следующий за этим день он почти забыл о происшествии.

В тот вечер он обедал не дома и вернулся около одиннадцати. Пошел в библиотеку, чтобы просмотреть почту. Он сказал мне: «Неожиданно у меня появилось сильнейшее чувство, что кто-то смотрит на меня от занавеса. Я медленно повернул голову. И отчетливо увидел на занавесе тень. Вернее, тень переплеталась с занавесом, как будто ее отбрасывало что-то стоявшее сзади. По форме и размеру тень напоминала человека». Он подбежал к занавесу и рывком отодвинул его. За ним ничего не было, ничто не могло отбросить эту тень.

Он снова сел за стол, но по-прежнему чувствовал на себе чей-то взгляд. «Немигающие глаза, – сказал он. – Взгляд не отрывался от меня. Как будто кто-то постоянно находится на

самом краю поля зрения. Если я быстро поворачивался, он скользил за мной и смотрел уже с другой стороны. Если я двигался медленно, точно так же медленно двигалась и тень».

Иногда ему казалось, что он уловил это движение, увидел эту тень. Но она тут же растворялась, исчезала, прежде чем он мог рассмотреть ее. И тут же он чувствовал на себе взгляд с другого направления.

«Оно двигалось справа налево, – говорил он, – и слева направо... и снова назад... и опять... и опять... все ткало... ткало...»

«Что ткало?» – спросил я.

Он ответил просто: «Мой саван».

Он сидел в библиотеке до тех пор, пока мог выдержать. Потом сбежал в спальню.

На этот раз спал он плохо, ему казалось, что тень ждет его на пороге. Он прижался к двери, прислушиваясь. Но ничего не услышал. Тень не входила.

Наступил рассвет, и он крепко уснул. Встал поздно, играл в гольф, пообедал, Пошел со знакомой в театр, а потом в ночной клуб. Несколько часов и не вспоминал о событиях ночи. Он сказал: «Когда я подумал об этом, то рассмеялся своей детской глупости». Домой он приехал в три часа ночи. Вошел. И, закрывая дверь, услышал шепот: «Ты сегодня поздно!» Слышал совершенно ясно, как будто шепчущий стоял рядом...

Де Керадель прервал:

– Прогрессирующая галлюцинация. Вначале мысль о движении, потом форма становится отчетливее, затем звук. Галлюцинация прогрессирует от зрительной к слуховой.

Билл продолжал, как будто не слышал:

– Он сказал, что у голоса было странное свойство, которое – я цитирую – «заставляет вас чувствовать отвращение, как будто вы рукой коснулись скользкого слизняка в саду ночью, и в то же время нечестивое желание слушать этот шепот вечно». Он сказал: «Безымянный ужас и извращенный восторг в одно и то же время».

Симпсон не выключал огни. Холл был хорошо освещен. Но никого не было видно. Однако голос звучал вполне реально. Ральстон несколько мгновений стоял, пытаясь справиться с собой. Потом вошел, снял шляпу и пальто и начал подниматься по лестнице. Он сказал: «Я случайно взглянул вниз и увидел тень, скользящую примерно в шести футах передо мной. Поднял глаза – она исчезла. Я медленно начал подниматься по лестнице. Когда смотрел на ступеньки, видел тень, идущую передо мной. Всегда на одном и том же расстоянии. Поднимал голову – ничего. Тень была резче, чем накануне. Мне показалось, что это тень женщины. Обнаженной женщины. И вдруг я понял, что шепчущий голос тоже принадлежал женщине».

Он пошел прямо к себе в комнату. Миновал дверь. Посмотрел вниз и увидел, что тень по-прежнему в двух шагах перед ним. Тогда он быстро шагнул назад, вошел в комнату, закрыл дверь и запер ее на ключ. Включил все огни и стоял, прижавшись ухом к двери. «Я услышал, как кто-то смеется, тот же голос, что шептал». – А потом он услышал шепот: – «Я буду ждать снаружи сегодня, сегодня, сегодня...» Слушал он с той же странной смесью ужаса и желания. Он хотел распахнуть дверь, и в то же время какое-то отвращение удерживало его.

Он сказал: «Я не выключил свет. Но это существо выполнило свое обещание. Оно всю ночь ждало у моей двери. Но не просто ждало. Оно танцевало... Я не видел его, но знал, что оно танцует и ткет... справа налево... слева направо... и снова... и снова... танцевало и ткало, пока не занялся рассвет... ткало мой саван, Билл...»

Я спорил с ним, примерно как вы, доктор де Керадель. Тщательно осмотрел его. Внешне ничего необычного. Взял образцы для различных анализов. Он сказал: «Надеюсь,

ты что-нибудь обнаружишь, Билл. Если же нет, значит тень реальна. Я предпочел бы сойти с ума. В конце концов сумасшествие можно излечить».

Я сказал: «Ты не пойдешь домой. Живи в клубе, пока не получим результаты анализов. А потом, что бы они ни показали, садись на корабль и отправляйся в длительное путешествие».

Он покачал головой: «Я должен вернуться домой, Билл».

Я спросил: «Но почему, ради Бога?»

Он колебался, на его лице появилось выражение удивления. Потом он сказал: «Не знаю. Но должен».

Я твердо заявил: «Останешься на ночь у меня, а завтра уплывешь. Куда угодно. Я сообщу тебе результаты анализов и свои предписания по радио».

Он ответил все с тем же удивленным выражением: «Я не могу уплыть сейчас. Дело в том... – Он колебался... – дело в том, Билл... я встретил девушку... женщину... я не могу бросить ее».

Я смотрел на него, разинув рот. Потом сказал: «Ты хочешь на ней жениться? Но кто она?»

Он беспомощно смотрел на меня. «Не могу сказать тебе, Билл. Ничего не могу сказать о ней».

Я спросил: «А почему не можешь?»

Он ответил с той же удивленной нерешительностью: «Не знаю, почему. Но не могу. Это кажется частью... частью того. Но... не могу тебе сказать». И на любой вопрос, касающийся этой девушки, он отвечал так же.

Доктор Лоуэлл резко сказал:

– Вы мне ничего этого не рассказывали, доктор Беннет. Он больше ничего не говорил? Что не может ничего сказать об этой женщине? Что не знает почему, но не может?

Билл ответил:

– Больше ничего.

Элен холодно спросила:

– Что вас так забавляет, мадемуазель? Не вижу в этом ничего смешного.

Я посмотрел на мадемуазель. Маленькие светло-лиловые искорки ожили в ее глазах, красные губы улыбались – жестокой улыбкой.

6. ПОЦЕЛУЙ ТЕНИ

Я сказал:

– Мадемуазель – подлинный художник.

Над столом повисло напряженное молчание. Его торопливо нарушил де Керадель.

– Что вы этим хотите сказать, доктор Карнак?

Я улыбнулся.

– Подлинный художник радуется, когда искусство достигает совершенства. Умение рассказывать – это искусство. Доктор Беннет рассказывает превосходно. Поэтому ваша дочь, подлинный художник, довольна. Прекрасный силлогизм. Разве не так, мадемуазель?

Она негромко ответила:

– Это вы сказали. – Но больше она не улыбалась, и в глазах ее появилось новое выражение. И в глазах де Кераделя тоже. Прежде чем он смог заговорить, я сказал:

– Всего лишь дань восхищения одного художника другому, Элен. Продолжай, Билл.

Билл быстро продолжал:

– Я спорил с ним. Дал выпить крепкого. Сослался на некоторые случаи галлюцинаций: Паганини, великий скрипач, временами видел тeneвую женщину в белом, она стояла рядом с ним и играла на скрипке, и он играл с ней дуэтом. Леонардо да Винчи считал, что разговаривал с Хироном, мудрейшим из кентавров, тем самым, что воспитывал молодого Асклепия. И десятки подобных примеров. Я говорил ему, что он вступил в общество гениев и что, вероятно, это значит, что от него тоже можно ждать чего-нибудь гениального. Через некоторое время он смеялся. Сказал: «Ну, ладно, Билл, ты меня убедил. Но мне не нужно убегать. Наоборот, нужно идти навстречу и победить». Я ответил: «Конечно, если ты считаешь, что справишься. Это всего лишь одержимость, игра воображения. Попробуй сегодня ночью. Если придется туго, позвони мне. Я сразу приеду. И побольше выпей». Ушел он от меня в нормальном состоянии.

Он не звонил мне до второй половины следующего дня, а когда позвонил, спросил, что с анализами. Я ответил, что все анализы свидетельствуют о полном здоровье. Он негромко ответил: «Я так и думал». Я спросил, как он провел ночь. Он рассмеялся и ответил: «Очень интересно, Билл. Очень. Я последовал твоему совету и напился». Голос его звучал нормально, даже весело. Я спросил: «А как же твоя тень?» – «Превосходно, – ответил он. – Я ведь говорил тебе, что это тень женщины? Так оно и есть». Я сказал: «Тебе лучше. Хорошо ли относится к тебе твоя женская тень?» Он ответил: «Скандально хорошо, и обещает быть еще скандальнее. Именно это и сделало ночь такой интересной». Он снова рассмеялся. И неожиданно повесил трубку.

Я подумал: «Ну, раз Дик может смеяться над тем, что еще день назад приводило его в ужас, значит ему лучше». И сказал себе, что дал ему хороший совет.

Но я чувствовал смутное беспокойство. Оно росло. Чуть позже я позвонил ему, но Симпсон ответил, что он отправился играть в гольф. Это казалось вполне нормальным. Да, все это лишь мимолетный случай, все нормализуется. Да, я дал хороший совет. Какие... – Билл неожиданно прервал свой рассказ. – Какие мы иногда глупцы, доктора!

Я украдкой взглянул на мадемуазель. Ее большие глаза были широко открыты, смотрели нежно, но в глубине их таилась насмешка.

Билл сказал:

– На следующий день я получил еще несколько результатов, все хорошие. Позвонил Дику и сообщил ему. Забыл сказать, что я велел ему обратиться к Бьюканану. Бьюканан, – Билл повернулся к де Кераделю, – это лучший окулист в Нью-Йорке. Он не нашел никаких нарушений, и это устраняло многие возможные причины галлюцинаций, если это галлюци-

нации. Я рассказал это Дику. Он весело ответил: «Медицина – наука исключения, не так ли, Билл? Но если после исключения всего вы добираетесь до чего-то, о чем ничего не знаете, что вы тогда делаете, Билл?»

Странное замечание. Я спросил: «Что ты этим хочешь сказать?» Он ответил: «Я всего лишь жадный искатель знаний». Я подозрительно спросил: «Ты много пил накануне?» – «Не очень». – «А как тень?» – «Все интереснее». Я сказал: «Дик, я хочу, чтобы ты немедленно приехал. Я тебя осмотрю». Он пообещал, но не приехал. Меня задержал тяжелый случай в больнице. Я освободился около полуночи и позвонил ему. Ответил Симпсон. Он сказал, что Билл лег рано и приказал его не тревожить. Я спросил Симпсона, как выглядит Билл. Нормально, даже очень весел. Но я не мог избавиться от необъяснимого беспокойства. Попросил Симпсона передать мистеру Ральстону, что если он до пяти часов на следующий день не придет ко мне, я сам отправлюсь к нему.

Он приехал ровно в пять. Я сразу почувствовал, как тревога усиливается. Лицо его осунулось, глаза казались странно яркими. Не лихорадочными, скорее будто он принимал какой-то наркотик. Во взгляде оживленное выражение и в то же время легкий ужас. Я не выдал того шока, который получил от его внешности. Сказал, что получил последние результаты и они все отрицательные. Он сказал: «Итак, я здоров? Ничего со мной неладного?» Я ответил: «Так свидетельствуют анализы. Но все же я хочу, чтобы ты для обследования на несколько дней лег в больницу». Он рассмеялся и ответил: «Нет. Я совершенно здоров, Билл».

Он сидел молча и смотрел на меня, в его слишком ярком взгляде смешивались оживление и ужас, и вообще он как будто намного превосшел меня в каком-то знании и в то же время ужасно этого знания боится. Он сказал: «Мою тень зовут Бриттис. Она мне сказала об этом прошлой ночью».

Я подпрыгнул. «Какого дьявола? О чем это ты говоришь?»

Он терпеливо ответил: «Моя тень. Ее зовут Бриттис. Так она сказала мне прошлой ночью, лежа рядом со мной в постели. Женская тень. Обнаженная».

Я смотрел на него, а он рассмеялся. «Что ты знаешь о суккубах, Билл? Я полагаю, ничего. Хорошо бы Алан вернулся, он-то знает. У Бальзака есть отличный рассказ, я помню, но Бриттис говорит, что это не о ней. Сегодня утром я пошел в библиотеку и стал искать. Рылся в „Malleus Maleficarum“...

Я спросил: «А это что такое?»

«Молот ведьм». Старая книга инквизиции, в которой говорится, кто такие инкубы и суккубы, что они могут сделать, как выявлять ведьм, как поступать с ними и тому подобное. Очень интересно. Там говорится, что демон может превратиться в тень, в таком виде прикрепиться к живому человеку и стать материальным, настолько материальным, чтобы зачать, как весьма красочно это называет Библия».

Демоны женского пола – это суккубы. Когда одна из них возжаждет мужчину, она соблазняет его так или иначе, пока не добьется своего. Он дает ей свою искру жизни и, вполне естественно, сам умирает. Но Бриттис говорит, что у меня не будет такого конца и что она не демон. Она...

«Дик, – прервал я его, – что это за вздор?»

Он раздраженно ответил: «Клянусь небом, я хотел бы, чтобы это было галлюцинацией. Но если я здоров, как ты утверждаешь, этого не может быть».

– Он колебался. – Даже если веришь, что это реально, что ты можешь сделать? Ты не знаешь, что знает тот, кто послал к тебе тень. Вот почему я хотел бы, чтобы Алан был здесь. Он знал бы, что делать.. – Он снова помолчал, потом медленно добавил: – Но... я не уверен... что принял бы его совет... теперь...

Я спросил: «Что ты имеешь в виду?»

Он ответил: «Начну с того времени, когда мы решили, что мне лучше пойти домой и бороться. Я пошел в театр. Сознательно задержался. Когда вошел в дом, у двери меня не ждал никто. Пошел в библиотеку и по-прежнему ничего не видел. Смешал себе коктейль, сел и стал читать. Включил все огни в комнате. Было два часа ночи.

Пробило полчаса. Я оторвался от книги. Ощутил странный аромат, незнакомый, вызывающий необычные представления: я подумал о лилии, раскрывающейся по ночам под лунными лучами в тайном пруду среди древних руин, окруженных пустыней. Поднял голову и осмотрелся в поисках его источника.

И увидел тень.

Больше не было похоже на то, что кто-то стоит за занавесом и отбрасывает тень. Она видна была совершенно отчетливо, в десяти футах от меня. Четко очерченная, в комнате. Видна была в профиль. Стояла неподвижно. С девичьим лицом, тонким, изящным. Я видел ее волосы, уложенные на голове, и две пряди более темной тени, спускающиеся между круглыми, наклоненными грудями. Тень высокой девушки, стройной, с узкими бедрами, стройными ногами. Она двинулась. Начала танцевать. Она не была ни черной, ни серой, как мне показалось сначала. Слегка розоватой, жемчужно-розового оттенка. Прекрасная, соблазнительная, живая женщина не может быть такой. Она танцевала, потом задрожала – и исчезла. Я услышал шепот: «Я здесь». Она была за мной... танцевала... сквозь нее я смутно видел комнату.

«Танцевала, – продолжал он, – ткала. Ткала мой саван... – Он рассмеялся. – Но богато украшенный саван, Билл.»

Он сказал, что ощутил желание, какого никогда не испытывал к женщине. А с ним и страх, ужас, тоже никогда не испытанный. Как будто приоткрылась дверь, через которую ему нужно пройти в немыслимый ад. Желание победило. Он побежал к танцующей розовой тени. И тень, и ее аромат исчезли, как будто задули свечу. Он снова принялся читать, ожидая. Ничего не происходило. Часы пробили три, потом пол четвертого. Он пошел к себе. Разделся и лег в постель.

Он сказал: «Медленно, как ритм, возник аромат. Он пульсировал, все быстрее и быстрее. Я сел. Розовая тень сидела в ногах моей кровати. Я потянулся к ней. Но не смог двинуться. Мне показалось, что я слышу шепот: „Еще нет... еще нет... еще нет...“

– Прогрессирующая галлюцинация, – сказал де Керадель. – От зрения к слуху. От слуха к запаху. Потом вовлекаются мозговые центры цвета. Все это очевидно. Да?

Билл не обратил внимания, продолжал:

– Он внезапно уснул. Проснулся утром очень возбужденным и почему-то с решением избегать меня. У него было только одно желание: чтобы день побыстрее кончился и он смог встретиться с тенью. Я саркастически спросил: «А как же другая девушка?»

Он ответил, явно удивленный: «Какая другая девушка, Билл?»

Я сказал: «Другая девушка, в которую ты так влюблен. Имя которой ты не мог мне назвать».

Он ответил удивленно: «Не помню никакой другой девушки».

Я бросил быстрый взгляд на мадемуазель. Она скромно смотрела в свою тарелку. Но мне показалось, что в ее взгляде по-прежнему пляшут светло-фиолетовые искорки. Доктор Лоуэлл спросил:

– Сначала он не мог назвать ее имя из-за какого-то принуждения? Потом сказал, что ничего о ней не помнит?

Билл ответил:

– Так он объяснил мне, сэр.

Я заметил, как побледнел Лоуэлл, как мадемуазель обменялась быстрым взглядом с отцом.

Де Керадель сказал:

– Предыдущая галлюцинация уничтожена более сильной.

Билл сказал:

– Может быть. Во всяком случае день он провел в настроении смеси ожидания и ужаса. «Как будто, – объяснил он, – начала необыкновенно радостного события и в то же время открытия двери в камеру осужденного». Но решимость не видеть меня еще больше укрепилась, хотя он беспокоился из-за того, нашел ли я причину его видений. Поговорив со мной, он ушел из дома, не для игры в гольф, как объяснил Симпсону, но просто туда, где я не смог бы его найти.

Домой он вернулся к обеду. Ему показалось, что за обедом он заметил несколько мимолетных движений, легкое перепархивание тени. Все время он чувствовал, что за ним следят. У него появилось паническое желание убежать из дома – «пока еще есть время», как выразился он. Но более сильным оказалось желание остаться, что-то продолжало нашептывать ему о необыкновенных наслаждениях, неведомых радостях. Он сказал: «Как будто у меня две души. Одна корчится от отвращения и протестует против рабства. А другой все равно, если только она получит обещанные радости».

Он пошел в библиотеку...

И тень появилась, как и накануне. Она подошла ближе, но не настолько, чтобы он мог ее коснуться. Тень запела, и у него пропало желание касаться ее; не осталось никаких желаний, кроме желания сидеть бесконечно и слушать. Он сказал: «Это была тень песни, а пела тень женщины. Как будто звуки доносились из-за невидимого занавеса... из какого-то чуждого пространства. Звуки сладкие, как аромат. Одно целое с ароматом, сладкие, как мед... но в каждой ноте скрывалось зло». Он сказал: «Если у этой песни и были слова, я их не слышал. Слышал только мелодию... обещающую...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.